

УДК 343.01

ЧУКИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧстарший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)
dchukin@yandex.ru**ФАРТУКОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ**кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)
dsaraikin120201@yandex.ru

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В статье концептуализируется сущность и содержание дефиниций «толкование закона» и «судейское усмотрение» в их соотношении друг с другом. Констатируется, что толкование закона во многом определяется уголовной политикой, а поэтому может меняться вслед за социально-правовой реальностью. Резюмируется, что при многих общих чертах, усмотрение шире, чем толкование, поскольку, помимо уяснения целевой направленности конкретной правовой нормы, предполагает мыследействие по принятию решения, которое растянуто в пределах санкции статьи, а так же может исходить из сознательного законодательного пробела. Исследуется отличие толкования и усмотрения от аналогии уголовного закона.

Ключевые слова: толкование уголовного закона, судейское усмотрение, пределы судейского усмотрения, принцип справедливости, аналогия уголовного закона.

*Теория без практики мертва, практика без теории слепа.
А. В. Суворов*

Целью любого закона (и уголовный закон не является исключением из общего правила) является регулирование общественных отношений. Закон принимается не для того, чтобы покоиться безжизненным грузом на страницах бумаги, а для того, чтобы служить инструментом, реализующим принципы правосудия путем его использования правоприменителем.

Между тем в правореализационной плоскости лежит проблема, органически вытекающая из самого закона, и которая неизбежно сказывается на качестве отправления правосудия.

Дело в том, что между буквой закона – той, которая вышла из-под пера его создателя, и в которую тот вложил определенный, преследующий целью справедливость смысл, и конечным итогом – вынесением

судебного решения, эту справедливость воплощающую, лежит крайне важный элемент. Под этим элементом авторы имеют в виду мыследействие правореализатора по точному соотношению нормы закона с явлением объективной реальности, нашедшее свое отражение в действии конкретного субъекта, нарушившего общественное отношение, регулируемое вышеуказанной нормой.

То есть процедуре принятия правового решения предшествует достаточно объемный по своему сущностному содержанию процесс осмысления нормы права, который в более обобщенном виде называется толкованием.

Таким образом, «дух закона», то есть его сущность и смысл, не всегда находит свое полное выражение в конкретном правоприменительном акте [1, с. 64]. Ведь

для того, чтобы качественно применить закон, его нужно, в первую очередь, правильно понять.

Толкование – термин, производный от слова «толк» – смысл, разумное содержание чего-то. Толковать – давать чему-либо какое-нибудь объяснение, определять его смысл [2, с. 801].

Таким образом, толкование закона – это всестороннее и глубокое уяснение его смысла, а так же смысла тех терминов, которые употребляются в нем законодателем [3].

В теории уголовного права выделяют несколько видов толкования.

По субъекту толкование бывает легальное, судебное и доктринальное.

Легальное толкование дается законодательным органом и, в силу ч. 1 ст. 1 УК РФ, осуществляется исключительно в нормах Уголовного кодекса РФ [4]. Например, ч. 2 ст. 332 УК РФ, предусматривающая ответственность за неисполнение приказа группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, не содержит определения указанных понятий. Для уяснения их смысла необходимо обратиться к ст. 35 УК РФ.

Судебное толкование, как следует из названия, осуществляется судом. При этом оно может производиться Верховным Судом РФ в отношении конкретной группы преступлений (преступлений против собственности, в сфере террористической деятельности, совершенных из хулиганских побуждений, связанных с уклонением от военной службы и пр.), а может быть дано судом по конкретному уголовному делу. При этом следует помнить о том, что разъяснения Верховного Суда РФ не являются обязательными (поскольку российская правовая система не признает прецедент в качестве источника права), а служат лишь рекомендациями.

Доктринальное (научное) толкование дается учеными-юристами в статьях, монографиях, исследованиях и не является обязательным, но может оказывать существенное влияние на судебную практику.

По объему толкования выделяют буквальное, ограничительное и распространительное [4].

Буквальное толкование предполагает разъяснение, даваемое в строгом соответствии с текстом закона. Например, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливает ответственность за убийство двух или более

лиц. Означает ли это, что серийный убийца, орудовавший на протяжении многих лет и убивший несколько человек, будет подлежать ответственности по этой правовой норме? Верховный Суд в своем постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в его начальной редакции разъяснял, что необходимо, чтобы такие действия охватывались единым умыслом (например, убийца замыслил лишить жизни конкретных людей) и совершены, как правило, одновременно. То есть пять серийных убийств будут квалифицированы каждое в отдельности по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Затем позиция поменялась, и 3 апреля 2008 года в Постановление № 1 было внесено изменение, в соответствии с которым убийство нескольких человек, в силу ч. 1 ст. 17, как одновременно, так и в разное время, не будет образовывать совокупности преступлений, и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом, Верховному Суду понадобилось девять лет, чтобы понять уголовно-правовой смысл данной нормы и провести ее буквально толкование.

Ограничительное толкование предполагает более узкое смысловое содержание, нежели то, которое формально содержится в тексте закона.

Распространительное толкование, в противоположность ограничительному, предполагает более широкое толкование уголовно-правовой нормы. Например, одним из условий освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76, 76.2 УК РФ, является совершение преступления впервые. На первый взгляд, все предельно ясно, но Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» более подробно разъясняет, в каких случаях лицо будет считаться впервые совершившим общественно опасное деяние:

- если лицо ранее привлекалось к уголовной ответственности, однако было от нее освобождено;
- если лицо ранее не было осуждено;
- лицо было осуждено, но приговор по предыдущему преступлению не вступил в законную силу;
- приговор по предыдущему преступлению вступил в законную силу, однако

наступили обстоятельства, исключаящие правовые последствия привлечения к уголовной ответственности (истечение сроков давности, погашение или снятие судимости и пр.);

- приговор по предыдущему преступлению вступил в законную силу, но была устранена преступность деяния, за которое лицо осуждено.

Далее, хочется отметить, что в ряде случаев буква закона ясна и конкретна, поэтому толкование отдельных законодательных норм не представляет никакого труда. Например, чтобы установить, к какой категории относится общественно-опасное деяние, достаточно сопоставить верхний предел санкции в виде лишения свободы, который установлен за его совершение, и форму психического отношения лица, его совершившего, со ст. 15 УК РФ.

Ст. 45 УК РФ определяет, какие виды уголовных наказаний относятся к основным, какие — к дополнительным, а какие могут применяться как смешанные. Диспозиция статьи не предполагает двойного толкования, поскольку выражена вполне четко и понятно.

Но воля законодателя не всегда лежит на поверхности, и зачастую для уяснения его смысла, необходимо обратиться к уголовно-правовой доктрине, провести ретроспективное исследование правовой нормы, отследить, как она менялась с течением времени. Не лишним будет изучить пояснительные записки к законопроектам, которыми внесены изменения в уголовный закон.

Верховный Суд РФ, давая разъяснения уголовного законодательства, в своих постановлениях указывает, что главной целью их принятия является установление единообразия судебной практики.

Так, ч. 2 ст. 105 УК РФ определяет ответственность за квалифицированные виды убийства. Отдельные пункты данной статьи сложности в понимании не представляют. Например, каждому ясно, как квалифицировать убийство беременной женщины, малолетнего, сопряженное с похищением, по мотивам политической, идеологической, расовой или религиозной ненависти и пр.

Наряду с этим, п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ предполагает ответственность за убийство, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего. Означает ли это, что убийца-каннибал, лишивший жизни другого человека из «кули-

нарных» побуждений, будет нести ответственность по данному пункту? Буквальное толкование данной нормы, а так же позиция отдельных авторов дает положительный ответ на данный вопрос [5, с. 79]. Между тем, целевая направленность данной правовой нормы, по мнению авторов, состоит в уголовно-правовом противодействии «черной» трансплантологии.

Пункт «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливает ответственность за убийство, совершенное с особой жестокостью. В судебной практике был случай, когда деяние было квалифицировано по данному пункту из-за того, что в процессе причинения смерти потерпевшему были нанесены множественные ножевые ранения. Однако, как указал Верховный Суд РФ, подобная квалификация будет являться ошибочной в том случае, если ножевые удары были нанесены в течение непродолжительного времени, смерть наступила быстро, а мучений в процессе лишения жизни лицо не испытывало [6].

Достаточно интересна позиция Верховного Суда РФ в отношении экстремистских преступлений. Ст. 282 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение конституционного запрета на возбуждение ненависти или вражды, а так же унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и пр.

В течение нескольких лет позиция высшего судебного органа, нашедшая свое отражение в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», сводилась к тому, что любые действия, связанные с размещением в сети «Интернет» информации, направленной на возбуждение вражды по указанным в ст. 282 признакам (в том числе заключающаяся в репосте (вторичной публикации сообщения)), будут являться уголовно наказуемым деянием.

Лишь 20 сентября 2018 года Постановление № 11 было дополнено п. 2.1, который призывал суды обращать внимание на общественную опасность деяния, мотив его совершения, и только 28 октября 2021 года был дополнен положениями, рекомендующими учитывать направленность умысла виновного.

Таким образом, при неизменности самой уголовно-правовой нормы, ее толкова-

ние высшим судебным органом за 10 лет менялось три раза.

На наш взгляд, корень проблемы здесь видится в изначально некачественном толковании правовой нормы, без учета взаимосвязанных правовых положений.

В силу ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, обстоятельством, обязательным для установления по уголовному делу, будет являться форма вины лица и мотивы совершения преступления.

Поскольку ст. 282 УК РФ совершается с прямым умыслом, а конструктивным признаком объективной стороны данного преступления будет являться экстремистский мотив, то лицо должно понимать, что размещает в Интернете информацию, направленную на возбуждению вражды по признаку гендерной, национальной либо религиозной вражды, и желать, чтобы такая вражда наступила.

Таким образом, лишь сам факт появления на странице в социальной сети гражданина экстремистской информации, без ее понимания самим виновным и отсутствии экстремистского мотива, не указывает на совершение преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

Между тем, понадобилось несколько лет, прежде чем суды, в том числе Верховный Суд РФ, смогли осуществить качественное толкование данной уголовно-правовой нормы.

Теперь остановимся и рассмотрим феномен судебское усмотрения.

Судейское усмотрение, в широком смысле, это правомочие, данное суду по принятию решения в ситуации амбивалентности, то есть когда существуют два или более варианта, каждый из которых будет верным.

А. Барак утверждает, что в «трудных делах», когда судья сталкивается с рядом возможностей, каждая из которых законна, он должен принять решение исходя из личного опыта, мировоззрения и собственного понимания справедливости. Сложность здесь именно в том, что выбор производится не между законным и незаконным, а между законным и законным [7, с. 11].

Судейское усмотрение – это универсальная проблема, присущая любой правовой системе. «Где есть право, там будет и судебское усмотрение. История права есть также история расширения или сужения судебское усмотрения в различные времена и при различных обстоятельствах... Ре-

альный вопрос состоит не в том, следует или не следует допускать существование судебское усмотрения. Реальный вопрос – это должный объем, пределы судебское усмотрения» [7, с. 352].

Наиболее яркий пример ситуации судебское усмотрения – наличие альтернативных и относительно-определенных санкций статей Особенной части УК РФ. Так, санкция ч. 1 ст. 158 УК РФ предусматривает семь видов наказаний – от штрафа до лишения свободы.

Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности по ч. 3 ст. 335 УК РФ наказывается лишением свободы на срок до десяти лет. Таким образом, исходя из смысла ч. 2 ст. 56 УК РФ, судья правомочен назначить наказание от двух месяцев до 10 лет.

Разумеется, судья, из всего предложенного законодателем набора карательных мер, выбирает не произвольно, а руководствуясь достаточно широким набором правил: общими и отраслевыми правовыми принципами, целевой направленностью правовой нормы, общественной опасностью деяния, обстоятельствами, характеризующими личность виновного, а так же разъяснениями Верховного Суда РФ, данными в Постановлениях Пленума от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», и от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» и прочими обстоятельствами [8, с.67].

Еще одним ярким примером судебское усмотрения будут являться оценочные понятия, которыми изобилует Уголовный кодекс РФ. К ним относятся справедливость, малозначительность, общественная опасность, существенный вред, массовое заболевание, беспомощное состояние и пр.

Причем одни и те же понятия, применительно к разным преступлениям, будут рассматриваться по-разному.

Так, тяжелая степень опьянения потерпевшей (потерпевшего) при изнасиловании (ст. 131 и 132 УК РФ) будут относиться к беспомощному состоянию, а при убийстве (ст. 105 УК РФ) – нет.

В главе 33 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против военной службы, в шестнадцати составах предполагается наступление тяжких последствий. Что к таким последствиям относится, уголовный закон не раскрывает,

открывая, таким образом, широкий простор для судейского усмотрения.

Таким образом, в отличии от толкования, судейское усмотрение вызвано либо отсутствием конкретного уголовно-правового предписания, либо размытием его пределов, очерчением границ, в которых находится «правовая лакуна» [9, 10].

Особняком от толкования и усмотрения находится аналогия уголовного закона, то есть ситуация, когда к деянию, уголовная противоправность которого прямо не установлена законом, применяется сходная правовая норма.

Так, в 1997 году Верховный Суд РФ рассматривал дело по обвинению бывшего начальника Главка Министерства обороны РФ по обвинению в государственной измене по п. «а» ст. 64 УК РСФСР, которое было совершено в 1993 году. Данная правовая норма предусматривала ответственность за деяние, направленное против СССР, его суверенитета и территориальной целостности. Но поскольку в 1993 году СССР уже распался, то привлечение лица по данной статье было бы классическим примером применения закона по аналогии [11, с. 51].

В силу ч. 2 ст. 3 УК РФ, применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Отличие аналогии закона от толкования и усмотрения, на наш взгляд, заключается в том, что аналогия – это злоупотребление правом, подмена одной правовой нормы другой, выход за пределы законодательного замысла, в прямую противоположность толкованию – то есть выискиванию подлинного смысла закона, содержащегося в норме или усмотрению, заключающегося в следовании воле законодателя.

Итоги проведенного исследования позволяют констатировать, что толкование уголовного закона и судейское усмотрение занимают одно из центральных мест в современном правоприменении и уголовно-правовой доктрине. При многих общих чертах, усмотрение шире, чем толкование, поскольку, помимо уяснения целевой направленности конкретной правовой нормы, предполагает мышледействие по принятию решения, которое растянуто в пределах санкции статьи, а так же может исходить из сознательного законодательного пробела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухов, Е. А. Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами / Е. А. Глухов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2011. – № 9(171). – С. 63–71.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – Москва, 2006. – 944 с.
3. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 337 с.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. д.ю.н., проф. А. В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 876 с.
5. Хомякова, М. А. Уголовное наказание за каннибализм: понять и простить? / М. А. Хомякова // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 3(99). – С. 77–80.
6. Есаков, Г. А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г. А. Есаков, А. И. Парог, А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2007. – 569 с.
7. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак; перевод с английского. – Москва: НОРМА, 1999. – 376 с.
8. Чукин, Д. С. Принцип справедливости и его реализация при усмотрении правоприменителя / Д. С. Чукин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1. – С. 64–68.
9. Чукин, Д. С. Судейское усмотрение и его пределы при назначении уголовного наказания / Д.С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 4. – С. 85–89.
10. Чукин, Д. С. Усмотрение в праве: концептуальные основы / Д. С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1. – С. 155–160.
11. Российское уголовное право. Курс лекций: [в 3 томах] / А. В. Наумов. – Т. 1. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2007. – 736 с.

***

CHUKIN DMITRY SERGEEVICH

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

FARTUKOV DMITRY NIKOLAEVICH

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

INTERPRETATION OF THE CRIMINAL LAW AND JUDICIAL DISCRETION:
THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Abstract. The article analyzes the essence and content of the definitions "interpretation of the law" and "judicial discretion" in their relation to each other. It is stated that the interpretation of the law is largely determined by criminal policy, and therefore may change following the socio-legal reality. It is summarized that, with many general features, discretion is broader than interpretation, since, in addition to clarifying the target orientation of a particular legal norm, it assumes an action to make a decision that does not have a legislative basis. The difference between interpretation and discretion from the analogy of the criminal law is investigated.

Keywords: interpretation of the criminal law, judicial discretion, limits of judicial discretion, the principle of justice, analogy of the criminal law.

* * *